

ШАПОЧКИ

ЮЛЯ ГРАДОВА
38 лет. Оночила филологический, работала автором и выпускающим редактором в СМИ, копирайтером — в различных компаниях Санкт-Петербурга. В 2021 году стала одним

из победителей литературного конкурса на тему «Один счастливый день» в рамках проекта «Чтения со смыслом». Готовит сборник рассказов под рабочим названием «Странные в Петербурге».

Первая квартира казалась Ане роскошной. Она отдала все свои накопления на два месяца аренды вперед, но не сомневалась, что работу найдет скоро, а значит, сможет тут остаться.

Обычный спальный район, на первый взгляд, контингент не самый интеллигентный, зато вид из окна на густую, как варенье, Неву и мост (пусть Володарский, но все же!). Вдобавок приятные мелочи: диван из «Икеи», благородный серебристый отблеск микроволновки и холодильника, рабочий уголок с удобным столом, будто нарочно созданный для творчества и рисования. Целая однокомнатная квартира в Петербурге, и вся ее!

Впрочем, может, и не было бы никакого Петербурга, если бы не бывшая одноклассница и подруга Олечка, которая уехала из немодной провинции и легко поступила в Герцена, а на четвертом курсе счастливо вышла замуж. У нее вообще всегда все было легко: оба непьющих родителя, собственная комната в «трешке», отсутствие пубертатных прыщей, пятерки без особых усилий почти по всем предметам. И была она для всех именно Олечкой — когда чуть протяжное «О» круглой ноткой переходит в мягкое «Ч» и заканчивается выдохом, как колыбельная.

Олечка с искренним интересом дружила с лузером Аней. Да, с лузером — потому что у нее все было ровно наоборот. После смерти родителей, отра-

вившихся суррогатной водкой, ворчливый дядька — мамин брат — нехотя оформил опеку и забрал Аню в «однушку», перегородив комнату шкафом. Дома ей не с кем было поговорить ни о своих мечтах, ни о подростковых переменах. Между тем тело отчаянно противилось взрослению, округлости словно назло рождались не там, где надо, бесконечные макароны на обед и ужин ставили жирный крест на некогда узенькой девичьей фигуре. Одноклассники посмеивались над Аниными свободными одеждами и ее неуклюжестью на уроках физкультуры. С успеваемостью тоже не ладилось, и учителя всякий раз с раздраженным вздохом выписывали крючки троек в журнал и дневник. Единственное, что у Ани получалось идеально, — рисовать. Олечка словно и не замечала угрюмых и чаще всего справедливых оценок подруги. Она была очарована Аниным талантом и с притворно капризной улыбкой просила научить рисовать. «Олька, так я ж не могу научить, — кривилась Аня. — Показать могу, а учить как — не знаю...» Она называла ее Олькой, но та совсем не обижалась. Дарила колечки и наклейки, подпихивала тайком в школьную сумку крошечные шоколадки.

И когда спустя годы Олечка позвонила и стала звать ее в Питер, родное щебетание и обещание волшебных даров обволокло сладким маревом: «С твоим талантом устроиться вообще не проблема! Честное слово: они только увидят, как ты ри-

суешь, и сразу возьмут на работу. Я помогу тебе, приезжай! Здесь жизнь, Ань! Это же большой город!» Разные мысли забегали мелкими муравьишками, отстукивая лапками «а вдруг, а вдруг, а вдруг...». Аня решила, что накопит, заработает, продаст все, что только ей принадлежит в этой убогой каморке с обоями в сальных пятнах, но уедет и станет такой же легкой и успешной, как Оля.

Петербург проглотил ее, не забыв покрасоваться фасадами, с которых ежедневно провожали взглядом томные девы, задумчивые атланты, таинственные маскароны или совсем уж демонические чудища. Аня терялась в зазеркалье скрытых дворов и выныривала у набережных, удивляясь, как вода может одновременно быть везде – и под ногами, и перед глазами, и на небе. Она рисовала златовласого ангела со шпиль Петропавловки: все летит и летит, но никуда не исчезает – только наблюдает внимательно, как сизый и отсыревший город временами подсыхает и застит пылью глаза. Анин Петербург был беспощадным и прекрасным в этой беспощадности. Но с чего она взяла, что здесь у нее появится надежда?

Все пошло не так с первого же собеседования: «Где вы работали до этого? Кассиром? Простите, а зачем вы к нам тогда пришли? Что? Рисуете? Нам нужен дизайнер с опытом. Какие программы знаете?» Один за одним вопросы били в лицо хлесткими каплями, заканчиваясь стандартным вердиктом: «Мы вам перезвоним». Но никто ни разу не перезванивал. Она казалась себе жалкой, словно вымокшей насквозь под питерским дождем, который лился со всех сторон и плевал на зонтики. В разных концах города звучало одно и то же, сливаясь в большое нависающее «нет», и уже через месяц Аня, так и не найдя работу, осталась совсем без денег. Оля, чувствуя смутную вину, помогла ей переехать, отыскав самую дешевую комнату в коммуналке, и дала в долг. «Видимо, и здесь мне придется кассиром», – говорила она не своим голосом в попытке преодолеть застрявшие в горле рыдания.

Один раз, после долгих уговоров, она пришла на ужин к Олечке и ее мужу. Огромная форель буд-то выбросилась вместе с блюдом прямо из моря на слепающе-белую скатерть, и, пока хозяева бегали туда-сюда, Аня делала вид, что внимательно разглядывает темные точки на зеленоватой голове рыбины и ее мелкие зубки, хотя на самом деле она еле сдерживалась, чтобы не съесть все в одиночку. В тот вечер Оля снова заверила, что творческая работа найдется, а пока «ничего страшного, можно и кассиром», и напоследок положила в контей-

нер большой кусок торта. Одернув несколько раз подряд широкую футболку, Аня перешагнула порог и больше в гости не ходила.

Зарплата – это деление на три без остатка. Оплатить комнату с видом на унылый двор-колодец, купить корм подвальному коту, запастись едой на полмесяца. Работа – это продуктовый магазин в трех кварталах от дома. Касса, сменный график, заведующая с глубокой морщиной на переносице. Поиски другого места Аня малодушно прекратила, а общение с Олечкой свела к звонкам раз в неделю. Теперь она разговаривала только с Петербургом через прогулки и зарисовки.

В один день ее молчание прервала странная находка. Старая советская вязальная машинка, валяющаяся на ближайшей помойке. Когда-то такая была у мамы – смешной агрегат с зубцами, как у той форели. Мама, когда не пила, вязала шарфы и рукавицы, но лучше всего ей удавались яркие шапки с узорами. «Вот дураки, выкинули такое!» – сказала она сама себе, тщательно выговаривая каждый звук с непривычки, подняла машинку и потащила домой. Так к трем делителям прибавился еще один – пряха.

В первые же выходные Аня вступила в бой с машинкой, заранее изучив все возможные стратегии. Блицкриг удался, и уже через три недели были готовы первые шапочки – особенные, с любимым ангелом со шпиль. Что с ними делать, Аня сообразила не сразу. Они казались свежими синими брызгами на выцветшем диване с лохматым уголком и вдруг явили собой ту надежду, которой ей не хватало. Поздним вечером по дороге с работы, тяжело ступая в амальгаму луж, Аня представляла, как ее шапочки носят смешливые питерские барышни и юноши-фрики. Ну конечно – продать!

Так она стала ходить то к метро «Владимирская», то ближе к «Сенной», а иногда ездила и на «Удельную», напоминая детство: старушки таскали из дома старую утварь, ловко отлавливая любителей винтажа. И смешливые барышни, и фрики, и долговязые подростки, и женщины в цветастых куртках, удивляясь копеечной цене и восторгаясь, раскупали шапки, а дома хвастались своим: смотри-ка, эксклюзив, а как дешево! Ане некому было похвастаться, но, возвращаясь обратно, она воображала новые узоры и чуть улыбалась, представляя, как довольны ее покупатели.

Скрывать от Ольки свою надежду не хотелось. Накопив сумму, чтобы наконец отдать долг, Аня робко, внезапно стесняясь своей нелюдимости, предложила встретиться и, не удержавшись, то-

Аня никогда не умела брать выше. Игра в баскетбол на школьной физкультуре, например, неизбежно заканчивалась раздраженным улюлюканьем одноклассников. Но Олечке лучше знать: она столько лет порхает в Петербурге, приманивая счастье и тут же излучая его.

ропливо рассказала о шапочках – не делая пауз, боясь, что Оля начнет звонко перебивать по привычке. Та усердно выслушала, а затем торжественно, будто в ЗАГСе, объявила: «Я знаю, как мы поступим с твоими шапками. Сейчас как раз осень, сезон. Продадим их в магазин, есть очень классный прямо в центре города. Место ходовое, Ань! Я помогу, я договорюсь, у меня знакомых много. Там точно будут покупать, не позорься ты уже со своей “Удельной”. Бери выше!»

Аня никогда не умела брать выше. Игра в баскетбол на школьной физкультуре, например, неизбежно заканчивалась раздраженным улюлюканьем одноклассников. Но Олечке лучше знать: она столько лет порхает в Петербурге, приманивая счастье и тут же излучая его. Да и как тут отказаться: шапочки, связанные ночами на старой машинке, попадут в настоящий магазин! За считанные сроки Аня сделала сразу два десятка – разноцветных, сочных, похожих на леденцы на рождественском прилавке. Оля обещание сдержала, и в последнее воскресенье октября Аня совершила удивительный обмен. Деньги, как ей показалось, были огромными.

Выйдя из магазина, Аня в мгновение очутилась в толпе. Людей разного возраста несло беспоконным течением в сторону Дворцовой площади. Странная скандирующая речь и выкрики идущих могли на секунду показаться признаком болезни, но внешне все выглядели совершенно здоровыми. Вместе с сиренами и криканьем полицейских ма-

шин и отчаянными воплями задержанных громкие лозунги митингующих образовывали вполне себе складный оркестр. «Во дворы бы свернуть», – лихорадочно пыталась собраться с мыслями Аня, с опаской поглядывая на парня слева. Тот высоко поднимал плакат и смотрел не моргая куда-то в небо, словно оттуда ему подсказывали, что делать дальше.

Но свернуть было непросто. Лавируя между серьезной краснощекой женщиной в бордовом берете и улыбающейся девчонкой с кольцом в носу, Аня непостижимым образом вновь оказывалась там же, где и была. «Эй, чего мечешься?» – подталкивали ее сзади с недовольными репликами. Ане отчего-то было стыдно признаться, что на митинге она оказалась совсем случайно, что толпы боится и хочет скорее домой.

Гвалт усиливался, людской поток стал плотнее и медленнее: заговорили о том, что вход на Дворцовую, а заодно и на Адмиралтейский проспект перекрыли, надо идти обратно, но там тоже может быть засада. Некоторые побросали плакаты и, больно распахивая локтями окружающих, стали искать укрытие. Аня успела нырнуть в образовавшуюся лазейку и наткнулась на дверь кафе, за которой стоял невысокий охранник с рябым лицом. «Не пускаем никого!» – гулко прокричал он сквозь стекло, почти прижавшись к нему толстыми губами. «Я не митингующая! Я просто так! Пожалуйста! Пустите, пожалуйста!» – заголосила она. Аня повертела головой и забарабанила по двери. Позади, буквально в нескольких шагах, кого-то задерживал ОМОН под возмущенный разрушечий голос: «Что ж вы делаете-то, изверги! Мальчишка совсем!»

Охранник огляделся по сторонам, словно за ним кто-то следил, быстро приоткрыл дверь и буркнул: «Заходи давай!» За Аней попытались просочиться и другие, но он грубо оттолкнул их, снова крикнув: «Не пускаем никого! Ид-д-ди отсюда!» В ответ на ее благодарности он молча отвернулся, вращая пальцами кнопочный мобильник. Продолжил наблюдать, как на улице кричали и бегали, и лица у людей были перекошенные и раскрасневшиеся, а каски ОМОНа передвигались, как шашки по доске, съедая всех подряд. Такое кино ему было по душе.

Аня торопливо прошла внутрь, поправляя волосы и куртку. Пересидеть, выпить кофе – и домой. Дом! Маленькая холодная комната – ее скит, ее крепость, ее кокон, откуда будут вылупляться цветные шапочки-бабочки. Но внутрь никто не проникнет, и никто не вытащит ее.

«Сейчас только *вытащу* кошелек», – пробормотала она, не глядя на кассира и роясь в рюкзаке. Что-то было не так, это сразу стало понятно. Странная пустота в полости рюкзака, перетекающая через ее пальцы в левую часть груди, где колотилось сердце – еще чаще, еще громче, чем там, в толпе. Кошелька не было. Видимо, в сутолоке на Невском, пока все терлись друг о друга, его просто-напросто стащили. Кошелек, где были все деньги. На оплату комнаты, на еду, на кота, на пряжу. На надежду.

Аня сделала шаг назад. «Извините, я не буду кофе», – и метнулась в сторону столиков. Надо позвонить Ольке, она поможет. Выжить в безжалостном Питере, который теперь весь – жупел, и ангелу глубоко плевать на это. Карманы куртки были пусты. Аня быстро вытаскивала и снова засовывала в них руки, потев и утомляясь от такого бессмысленного танца. Проверила еще раз рюкзак. Телефона тоже нет. Пора домой? Завтра платить за комнату.

Аня медленно, нарочно с усилием провернула ключ и открыла дверь. Помедлив у порога, бросила на пол рюкзак, села на корточки, обхватила руками щеки. Она переводила взгляд от одной вещи к другой с удивлением, будто все видела впервые. Вот ее диван – не самый удобный, но его завтра не будет. Вот стул, стол. Простые предметы. Незамечаемо нужные, незаслуженно незамечаемые. Вот вязальная машинка и несколько мотков пряжи. Все, что она может взять с собой, не считая небольшой сумки с одеждой.

От порывов ветра чуть дребезжало оконное стекло – тревожный, нехороший звук. Аня с громким выдохом встала, закрыла дверь, отгородившись от фонового шума коммуналки. Не снимая обуви, дошла до окна. Во дворе-колодце было привычно сумрачно, оголенные тощие деревья пошатывались, как пьяницы. Сердце прекратило бессмысленный спринт, футболка перестала липнуть к спине. Аня дышала медленно.

«Никогда не будет легко. Ни там, ни здесь, если нет врожденной опции быть расслабленным. Я, наверное, что-то еще успею. Пряжи хватит еще на одну... Куда ее... А куда...» Аня скосырнула кусочек облупившейся краски с подоконника и прижалась лбом к ледяному стеклу.

Наутро она уволилась из магазина и пешком дошла до вчерашнего кафе по озябшему за ночь Петербургу. Сонная сотрудница сказала, что охранник отлучился. «Передайте ему вот это». Аня положила на столик шапочку с разноцветными полосками – ни одной черной! – и вышла на улицу.